

ПЕТР КУСЛИЙ

Референциальная функция ИМЕН¹

Имена как ярлыки объектов

В философии языка принято выделять имена как отдельный класс терминов, имеющих специфические отличия от всех остальных языковых единиц. Имена, как и многие другие термины, указывают на объекты. Однако, в отличие от других терминов, имена связаны с объектами особым образом.

Термины, указывающие на объекты, но не являющиеся именами, в силу своего смыслового содержания некоторым образом описывают объекты. Так, например, термин «стол» в силу того смысла, который он имеет в русском языке, указывает на множество объектов, обладающих определенными характеристиками, а термин «президент самой большой страны в мире» тем же самым способом указывает на некоторого человека.

Имена же никак не описывают объекты, на которые они указывают. Если термин «стол» имеет определенное заданное значение в русском языке, то термин «Петр» нет. «Стол» указывает на нечто однородное, соответствующее определенному набору описаний. С «Петром» дела обстоят иначе: именем «Петр» можно назвать и конкретного человека, и корабль, и любимого попугайчика. Более того, если мы хотим, например, создать некий код, то ничто не мешает нам обозначить термином «Петр» и множество столов и, следовательно, использовать «Петр» и «стол», как взаимозаменяемые термины.

На первый взгляд указанное различие между именами и остальными указывающими терминами может показаться надуманным, ведь, казалось бы, подобно тому, как мы выделяем класс столов, мы можем выделить и класс Петров. Однако при более внимательном анализе, можно усмотреть, что единым общим термином «стол» столы стали называться вследствие того, что обладали определенными свойствами, тогда как

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08-03-00 239а.

Петры сами по себе не имеют никакого свойства, объединяющего их в один класс. Иначе говоря, класс столов существовал и до того, как их стали называть термином «стол», но класса Петров не было до того, как его члены были поименованы именем «Петр».

Таким образом, можно признать, что важная отличительная особенность имен заключается в том, что они являются своего рода ярлыками, указывающими на объекты. Сами по себе они не имеют никакого детерминированного значения. И именно в этом заключается их особенность как указывающих терминов языка, и, видимо, именно поэтому имена, как правило, не входят в толковые словари, а приводятся в отдельных справочниках.

Два способа референции имен

Указав на важную отличительную особенность имен, а именно на их способность выступать в качестве ярлыков для обозначения объектов, воздержимся пока от выработки полного определения имени и обратимся к рассмотрению тех способов, по которым имена осуществляют свою семантическую функцию в языке. Хотелось бы выделить два основных способа, тематизированных в современной философии языка, по которым имена могут обозначать объекты. Во-первых, имя, не описывая объект, тем не менее может представлять собой сокращенное или скрытое описание или набор описаний конкретного объекта. Такие описания или их наборы в аналитической философии обозначаются как «определенные дескрипции» или «кластеры определенных дескрипций» соответственно. В таком виде, можно сказать, что имя указывает на объект опосредованно, т. е. как на референт этих сокращенных дескрипций. Во-вторых, имя может указывать на объект напрямую — без какого-либо посредничества дескрипций. Остановимся на каждом из двух способов подробнее.

Имена как сокращенные дескрипции

Рассмотрение имен как сокращенных определенных дескрипций восходит к работам Б. Рассела² и в общем виде заключается в следующем. Каждое имя может указывать на соответствующий объект; если объект существует, то он задается некоторой определенной дескрипцией, поэтому, когда имя используется для обозначения этого объекта, оно рассматривается как подразумевающее соответствующую определенную дескрипцию, детерминирующую данный объект. Поэтому, согласно данному подходу, имя всегда является скрытой или сокращенной дескрипцией³.

² Russell B. On Denoting // Mind. 1905. Vol. 14. P. 479–493.

³ Данный метод анализа имен можно рассмотреть и как восходящий и к работам Г. Фреге. Фреге считал, что имена не только обозначают референт, но и выражают смысл. Так, Фреге пишет: «В случае подлинно собственных имен, таких как „Аристотель“, мнения о смысле могут, конечно, разойтись. Например, можно

Как сокращенная дескрипция имя является лишь иным способом обозначения того, что задается соответствующей определенной дескрипцией: у имени и дескрипции не только общий референт, но и общий смысл. Смысл имени сводится к смыслу дескрипции и выражается самой этой дескрипцией. Поэтому имя является взаимозаменяемым с соответствующей ему дескрипцией как в экстенциональных, так и в модальных контекстах⁴. Иными словами, согласно данной позиции, если имени «Аристотель» соответствует определенная дескрипция «последний великий философ античности», то невозможно, чтобы некто был последним великим философом античности и не был при этом Аристотелем, равно как и наоборот: нельзя быть Аристотелем и не быть при этом последним великим философом античности.

Вряд ли можно обосновано отрицать то, что подобное употребление имен имеет место в языке. Если имя вводится (постулируется) как соответствующее сокращение для той или иной определенной дескрипции, то невыполнение объектом условий, налагаемых на него этой дескрипцией, автоматически будет означать и неприменимость к нему соответствующего имени. Если мы постулировали, что Аристотель — последний великий философ античности, то, мы можем точно знать, что, имея дело с объектом, не являющимся последним великим философом античности, мы не будем иметь дела с носителем имени «Аристотель».

В логике такое постулирование тождества имени и соответствующей ему определенной дескрипции принято относить к классу *номинальных* определений. Само только существование данного класса определений и его противопоставление классу *реальных* определений уже может рассматриваться как дополнительное подтверждение того, что подобная функция имен имеет место в языке. При этом в традиционной логике считается, что номинальные определения, в отличие от реальных, не имеют истинностного значения, так как являются постулатами. Иными словами, если мы рассматриваем предложение «Аристотель = последний великий философ античности» как номинальное определение, то, согласно традиционной

было бы в качестве такового принять: „ученик Платона и учитель Александра“. (Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. — М., 2000. С. 231). Смысл, который Фреге считал независимой объективной сущностью, выражается в его концепции определенной дескрипцией. Фрегевский смысл, подобно расселовской дескрипции, детерминирует референт, поэтому в интересующем нас аспекте анализ, предлагаемый Фреге, сходен с анализом Рассела. В данной статье в целях простоты основные отсылки будут делаться скорее на Рассела, чем на Фреге.

⁴ В наиболее явной форме данную позицию выразил Р. Карнап в работе «Значение и необходимость», §1–3. (см.: Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. — Биробиджан, 2000). На данном этапе мне бы не хотелось касаться взаимозаменимости терминов в так называемых «психологических контекстах», анализ которых представляется мне более сложным, поскольку требует принятия во внимание, помимо аналитичности и необходимости тождества между именем и сокращаемой им дескрипцией, также и его априорности, которая не обязательно непосредственным образом связана с теорией значения.

логике, оно, являясь постулатом, не может быть ни истинным, ни ложным. Однако если же мы рассматриваем данное предложение как реальное определение, выражающее результат некоторого эмпирического историко-философского исследования, то оно будет иметь истинностное значение.

Я считаю, что отказ от рассмотрения номинальных определений как обладающих истинностным значением неоправдан. Предложение «Аристотель = последний великий философ античности» может считаться истинным, даже будучи номинальным определением. Просто в таком случае оно будет представлять аналитическую, а не синтетическую истину. И аналитичность здесь будет постулированной, так как тождество значений указанного имени и указанной дескрипции также является постулированным.

Таким образом, существование в языке номинальных определений указывает на то, что имена могут рассматриваться как сокращенные дескрипции.

Расселовская мысль о сводимости имени к некоторой определенной дескрипции может быть несколько уточнена или, скорее, дополнена. Имя не всегда задается какой-то одной конкретной определенной дескрипцией. Нередко имя может подразумевать набор (кластер) определенных дескрипций. Кластерная теория именования восходит к работам Дж. Серла⁵. Согласно данной теории, специфика семантической роли имен заключается в том, что кластер дескрипций, ассоциируемых с тем или иным именем, всегда является открытым, или окончательно недетерминированным. Иными словами, имя играет свою специфическую семантическую роль до тех пор, пока, скажем, с именем «Аристотель» можно ассоциировать различные кластеры определенных дескрипций: «выходец из Стагиры и ученик Платона», «ученик Платона и учитель Александра», «учитель Александра и последний великий философ античности». Данные кластеры могут содержать общие определенные дескрипции, а могут и не содержать таковых. Специфика семантической роли имени не в том, какому именно кластеру или набору кластеров оно соответствует, а в том, что такой кластер или набор кластеров никогда не является раз и навсегда заданным. Как только кластер, соответствующий имени, фиксируется, оно становится лишь сокращением для этого кластера и утрачивает свою специфическую роль в языке.

Похоже, кластерный подход действительно выделяет определенную особенность имен, не учитывавшуюся в расселовском анализе. Кластерная теория имен позволяет нам говорить об Аристотеле (т. е. соглашаться с тем, что Аристотель существовал), даже если выяснилось, что какая-то определенная дескрипция, ранее ассоциировавшаяся с именем «Аристотель», на самом деле к нему не относилась.

Несмотря на свою большую гибкость по сравнению с классической дескриптивной теорией имен, кластерная теория, похоже, сохраняет

⁵ Searle J. Proper names // Mind. 1958. Vol. 67. No. 266. P. 166–173.

основной дух дескриптивной теории: даже если в разных контекстах имя может детерминироваться различными кластерами определенных дескрипций, то в каждом отдельном контексте, т. е. при любом конкретном рассмотрении того или иного имени, оно всегда будет определяться фиксированным кластером. Следовательно, в каждой отдельной ситуации смысл имени также будет выражаться набором дескрипций, а его денотатом будет тот объект, который выполняет условия, содержащиеся в дескрипциях.

Таким образом, согласно общему способу анализа имен, представленному двумя изложенными разновидностями, имя является ярлыком, сокращающим определенную дескрипцию или кластер дескрипций, которые выражают его смысл и обозначают объект, детерминируемый условиями, которые налагаются соответствующей дескрипцией или кластером дескрипций. Эти две разновидности не только соответствуют целому ряду наших интуиций о роли имен в языке, но и, похоже, действительно присутствуют как в искусственных языках, так и в естественных⁶.

Имена как термины, напрямую указывающие на объекты

Исходной точкой теории прямой референции является идея Дж. Ст. Милля о том, что имена являются ярлыками, напрямую обозначающими предметы безотносительно каких-либо детерминирующих их смыслов или определенных дескрипций⁷. В современной философии языка данный подход развивался параллельно с логико-семантическими исследованиями модальных предложений и восходит в первую очередь к работам С. Крипке.

Обсуждение модальных контекстов, выражаемых предложениями в сослагательном наклонении, бесспорно, является важнейшей составляющей нашего естественного языка. Крипке же — один из первых философов, обративших внимание на то, какие следствия для теории имен имеет существующий в языке потенциал для обсуждения возможных ситуаций. Имя является тем ярлыком (десигнатором), который указывает на один и тот же объект в различных возможных ситуациях (возможных мирах) безотносительно того, какие свойства присущи в них этому предмету, и, соответственно, какие дескрипции к нему применимы. При переходе от рассмотрения предмета в одной возможной ситуации к его рассмотрению в другой, а затем к третьей и т. д. единственным термином, который продолжает указывать на данный предмет, является имя. Так, мы можем задаться вопро-

⁶ Применение кластерной теории в искусственных языках, похоже, потребует определенного ряда ограничений, связанных с заданием достаточных критериев для детерминации тем или иным кластером соответствующего имени. Однако данная задача представляется вполне решаемой.

⁷ Милль писал: «имя „Джон“ можно истинным образом утверждать лишь об одном единственном человеке, по крайней мере в одном и том же смысле. Ибо, хотя существует много людей, носящих это имя, оно не дается им для обозначения каких-либо качеств или какой-либо свойственной всем им вещи» (*Mill J. S. System of Logic.* — NY, 1874. P. 32).

сом о том, что было бы, если бы Аристотель не стал бы заниматься философией, не был бы выходцем из Стагиры, не обучал бы Александра, и рассмотреть его (Аристотеля) в таких возможных ситуациях. Очевидно, что во всех этих примерах мы говорим именно об Аристотеле. Имя «Аристотель» продолжает обозначать для нас Аристотеля, даже в ситуациях, где он не является философом, выходцем из Стагиры, учителем Александра и т. д.

Данная функция имен обозначать предмет в различных контрфактических высказываниях, бесспорно, существует в языке и регулярно используется нами. При этом она существенным образом отличается от рассмотренной выше функции имен сокращать или выступать вместо тех или иных определенных дескрипций или кластеров дескрипций. При анализе имени в рамках теории прямой референции оно представляется обозначающим *сам предмет*, безотносительно той или иной его дескриптивной детерминации. Именно в силу этой обнаруженной функции имен, С. Крипке стал называть их «жесткими десигнаторами», т. е. десигнаторами, «обозначающими тот же самый объект в каждом возможном мире»⁸.

Таким образом, следует признать, что наш язык таков, что содержит и термины, указывающие на предмет сам по себе или, по крайней мере, на предмет в его сущностных, а не случайных свойствах⁹. Поэтому разработка теории имен как жестких десигнаторов присутствует в языке и является скорее открытием нового всегда существовавшего, но не осознававшегося ранее аспекта в функционировании языка, чем некоей технической выдумкой сторонников теории прямой референции.

Теория прямой референции с самых первых этапов своего зарождения и развития не испытывала недостатка в критике. Еще миллевская теория имен как неконнотативных ярлыков предметов многим исследователям казалась менее привлекательной, чем расселовская теория имен как сокращенных дескрипций. Проблема, которую не решала теория имен Милля, заключалась в том, что было не ясно, каким именно образом выбираются носители того или иного имени. Расселовский же анализ имен в терминах определенных дескрипций без труда давал ответ на этот вопрос.

Один из основных аргументов против современной теории прямой референции базируется на сходных интуициях. Критика здесь исходит из неприятия объектов самих по себе и антагонизма по отношению к

⁸ Kripke S. Naming and Necessity. — Cambridge, 1980. P. 48.

⁹ Вопрос об отличии сущностных (эссенциальных) свойств предмета от его акцидентальных свойств и вопрос о том, какие свойства следует считать эссенциальными, а какие акцидентальными, являются разными вопросами. Крипке понимает эссенциальные свойства как метафизически необходимые свойства (например, то, что Никсон — человек), а акцидентальные как метафизически случайные (то, что Никсон — президент США в 1970 г.). Однако в нашем случае эти вопросы можно оставить в стороне. Предметом данного исследования являются имена и их семантическая функция в языке, и если эта функция требует от нас проведения указанных различий, то их следует проводить. Более подробное исследование свойств потребовало бы более обширного анализа, чем тот, что является целью данной статьи.

какому-либо их обсуждению. Выдвигаемый аргумент можно представить в следующем довольно общем виде: если мы имеем дело с каким-либо объектом, то мы должны его как-то отличать от других объектов или фиксировать в потоке воспринимаемого опыта. Для этого он должен рассматриваться в рамках тех или иных его свойств (задаваться с помощью тех или иных предикатных знаков в кванторной записи соответствующего экзистенциального предложения). Следовательно, говорить об объекте можно лишь в рамках той или иной его онтологической детерминации. Говорить же об объекте вне подобной концептуализации бессмысленно. Данная критическая позиция восходит к работам Р. Карнапа, в частности к его концепции внутренних и внешних вопросов, и к работам У. Куайна, в частности к его критерию существования и критике эссенциализма.

На данную критику я хотел бы предложить следующий ответ. Действительно, в каждой отдельной ситуации мы не можем говорить об объекте иначе как о таком-то и таком-то или хотя бы самым общим образом подразумевать его как такого-то и такого-то. Однако при этом мы также можем говорить об одном и том же объекте в разных возможных мирах. Если в каждом отдельном возможном мире объект может быть рассмотрен исключительно как такой-то и такой-то, то, говоря об объекте как о том, что может быть рассмотрено в различных возможных мирах, мы уже не можем говорить о нем как о таком-то и таком-то. И именно для обозначения его в таких ситуациях мы можем использовать имя как жесткий десигнатор¹⁰. Более того, похоже, что в нашей языковой практике мы именно так и поступаем.

Таким образом, функцию имени как жесткого десигнатора можно признать ключевой и неотъемлемой для понимания специфики работы языка и свойственных ему механизмов референции. Главное отличие имен как жестких десигнаторов от имен как сокращенных дескрипций заключается в отсутствии у первых дескриптивного содержания (смысла). Жесткий десигнатор — это просто ярлык самого по себе предмета, имя как сокращенная дескрипция — это ярлык, являющийся сокращением для опреде-

¹⁰ По этому поводу Крипке пишет следующее: «Мы просто говорим: „Предположим, что этот человек проиграл [на выборах]“. Нам дано, что данный возможный мир содержит *этого человека* и что в этом мире он проиграл. Может возникнуть проблема с тем, к чему сводятся наши интуиции относительно возможности. Однако если у нас есть такая интуиция относительно возможности *этого* (т. е. проигрыша на выборах *этого человека*), то эта интуиция есть интуиция о возможности именно *этого*. Нет нужды отождествлять эту интуицию с возможностью проигрыша человека, выглядящего так-то и так-то, придерживающихся таких-то и таких-то взглядов и имеющего какое-либо другое качественное описание. Мы можем указать на *этого человека* и спросить о том, что могло бы случиться с *ним*, если бы обстоятельства сложились иначе». (Op. cit. P. 45–46.) А также: «Не спрашивайте о том, как я могу идентифицировать данный стол в другом возможном мире, кроме как по его качествам. У меня в руках стол, я могу указать на него, и когда я спрашиваю о том, мог бы *он* находиться в другой комнате, я по определению говорю о *нем*». (Ibid. P. 52–53.) Данные примеры, хотя и не содержат имен, тем не менее посвящены демонстрации роли жестких десигнаторов в языке и могут без труда быть распространены и на имена.

ленного осмысленного описания, которое, в свою очередь, детерминирует соответствующий ему референт. Два данных способа референции представляются неотъемлемыми и при этом несводимыми друг к другу характеристиками имен.

Недопустимость понимания референции имен лишь в одном аспекте

Философия языка второй половины XX в. была в немалой степени ознаменована дискуссиями о том, какая именно из двух рассмотренных интерпретаций имен является единственно верной. Реабилитация миллевского понимания имен как языковых ярлыков, напрямую указывающих на объекты, зачастую проходила под лозунгом опровержения расселовской теории имен как сокращенных дескрипций¹¹. Одна из главных вещей, которые я хотел бы продемонстрировать в данной статье, заключается в том, что, и сторонники расселовской теории имен как единственно верной, и их оппоненты, совершали одну и ту же ошибку: обнаружив случаи, когда одна из двух указанных интерпретаций имен не работала, они приходили к выводу, что данная интерпретация не может быть применима к именам никогда.

Рассел обнаружил сложности в анализе экзистенциальных предложений, содержащих логические имена, которые понимались как всегда обозначающие определенный объект. Если «Ромул» – логическое имя, то это само по себе уже говорит о том, что объект должен существовать. Тогда в случае анализа утвердительного экзистенциального предложения «Ромул существует» к имени «Ромул» нельзя подставить квазипредикат существования (E!). Анализ же отрицательного экзистенциального предложения «Ромул не существует» приводит к выводу о том, что данное предложение может быть истинным только в случае бессмысленности термина «Ромул», что парадоксально. Столкнувшись с этими сложностями, Рассел сделал вывод о том, что обыденные имена не могут рассматриваться в качестве логических и их следует понимать как сокращенные определенные дескрипции¹². Однако подобное заключение мне представляется не вполне обоснованным, ведь если обыденные имена не могут использоваться в качестве логических имен (т. е. жестких десигнаторов) в экзистенциальных предложениях, это еще не означает, что они не могут использоваться как таковые в других контекстах.

Сходным образом, Крипке, продемонстрировав роль имен как жестких десигнаторов в модальных и некоторых других контекстах, указал

¹¹ Именно на опровержении теории Рассела и Серла строили свою аргументацию основоположники новой версии теории прямой референции имен С. Крипке и К. Доннелан (см.: *Kripke S. Op. cit. Donnellan K. Names and Identifying Descriptions // Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of Natural Language. – Boston, 1972).*

¹² См.: *Russell B., Whitehead A. N. Principia mathematica. – Cambridge, 1910. P. 69, а также Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск, 1999. С. 67–68.*

лишь на то, что имена не всегда сводятся к сокращенным дескрипциям. Из этого, соответственно, нельзя обоснованно заключать о том, что имена всегда функционируют как жесткие десигнаторы.

Более того, из сказанного нельзя даже сделать вывод о том, что какой-либо из двух указанных подходов к анализу семантической функции имен демонстрирует некое более фундаментальное их свойство. Приведенный ниже набор доводов призван показать именно то, что в качестве отличительной функции имен нельзя рассматривать ни исключительно их роль как терминов, сокращающих определенные дескрипции и сводящихся к ним, ни исключительно их роль как жестких десигнаторов.

Недопустимость исключительно расселовского понимания референции имен

Недопустимость исключительно расселовского понимания референции имен демонстрируется, во-первых, уже рассмотренным аргументом Крипке о роли имен в модальных контекстах, а, во-вторых, комплексом так называемых «случаев незнания или ошибки», также выработанных С. Крипке, К. Доннелланом и Х. Патнэмом. Суть данных «случаев» может быть продемонстрирована на ряде несложных примеров.

Много людей знакомы, например, с именем «Платон». При этом большинство из тех, кто слышал это имя, не имеют дело с разработкой философских проблем. Простой человек на улице может использовать имя «Платон», и если его спросить, о ком именно идет речь, то все, что он сможет сказать, будет сводиться примерно к следующему: «это древний философ». Данный человек не обладает достаточной информацией о Платоне, чтобы предложить набор дескрипций, определенным образом детерминирующих именно Платона, однако, несмотря на это, вряд ли можно сказать, что «Платоном» он называет класс древних философов. Скорее наоборот: хоть он и не способен предоставить исчерпывающий набор описаний, задающих конкретного индивида, тем не менее, используя имя «Платон», он все же говорит именно о Платоне.

Данная идея проявляется еще более четко на примере нерадивого абитуриента философского факультета и экзаменующего его профессора. Абитуриент может использовать имя «Аристотель», связывая с ним дескрипции, совершенно не относящиеся к Аристотелю. Однако говорит он при этом не о ком-то, кто соответствует данным дескрипциям, а именно о том самом Аристотеле, о котором ему следовало бы обладать более корректной информацией. И поэтому профессор из приемной комиссии справедливо ставит ему «неуд.».

Таковы примеры незнания существующих «правильных» дескрипций, корректно описывающих индивида. В этих примерах, несмотря на такое незнание, соответствующее имя все равно должно рассматриваться как жесткий десигнатор, указывающий именно на нужного индивида. Однако можно рассмотреть и более радикальные ситуации, связанные с ошибкой, где «правильных» дескрипций уже может и не быть.

Так, если даже вся информация, которая нам известна о Фалесе, окажется неверной, кроме той, что он существовал, мы тем не менее будем скорее считать, что нам о самом Фалесе ничего не известно, а информация, переданная нам Аристотелем и Геродотом неверна. Более того, даже если в Греции во времена Фалеса существовал какой-то другой человек, по тем или иным причинам утверждавший, что у магнита есть душа и что все состоит из воды, мы тем не менее будем считать, что Платон и Аристотель описывали не его, а того самого Фалеса, о котором, согласно нашему примеру, нам ничего не известно. Сходным образом, если выяснится, что пьесы Шекспира на самом деле написал не Шекспир, а, скажем, Бэкон, то, говоря «Шекспир», мы все же будем указывать на Шекспира, а не на Бэкона¹³.

Недопустимость исключительно крипкеанского понимания референции имен

Приведенные выше примеры, как кажется, с ясностью демонстрируют, что имена могут играть в языке не только ту семантическую роль, которую отписывал им Рассел. Однако сделанное Крипке и его единомышленниками открытие меняет наше отношение к семантической функции имен скорее в том смысле, что указывает на их важную и упускавшуюся ранее специфику, т. е. на еще одну важную функцию, которую они могут выполнять в языке. Дополняя имевшиеся ранее результаты, данное открытие не отменяет и полностью не заменяет их. От рассмотрения обьденных имен как терминов, способных выступать в качестве сокращения определенных дескрипций или их кластеров, нельзя отказываться по следующим причинам. Во-первых, при понимании имен исключительно как жестких десигнаторов довольно проблематично анализировать отрицательные экзистенциальные предложения и предложения, содержащие пустые имена. Во-вторых, можно привести массу примеров из языковой практики, где имена полностью детерминируются определенными дескрипциями и сводятся к ним.

В «Именовании и необходимости» С. Крипке, определяя имена как жесткие десигнаторы и критикуя теорию Рассела, совсем не рассматривает случаи отрицательных экзистенциальных предложений и предложений с пустыми именами. Это досадно, поскольку, как уже говорилось, именно их анализ привел Рассела к пониманию имен как сокращенных дескрипций. На данном этапе нам предстоит рассмотреть именно этот вопрос.

Создается впечатление, что если мы будем строго следовать Крипке, то столкнемся с той же парадоксальной ситуацией, с которой в свое время столкнулся Рассел: если имя напрямую обозначает объект, то соответствующее отрицательное экзистенциальное предложение должно быть бессмысленно в случае его истинности. Кажется, что данное затруднение можно преодолеть одним из двух способов: либо рассмотреть имя как не обязательно обозначающее некий объект (так сделал Рассел), либо рас-

¹³ Приведенные примеры, по большей части взяты из *Donnellan K. S. Op. cit.* и были изменены лишь в незначительной степени.

смотреть некий объект как не обязательно существующий. Для теории Крипке первая альтернатива не подходит. Остается лишь вторая: имя как жесткий десигнатор всегда обозначает соответствующий объект, однако иногда объекты оказываются мнимыми, и отрицательные экзистенциальные предложения призваны отражать именно эти случаи.

Подобный способ обоснования теории жестких десигнаторов реально имел место и был представлен сторонниками каузальной теории референции М. Девигом и К. Стерельным в их книге *«Язык и реальность»*¹⁴. Такой мнимый объект они, опираясь на терминологию У. Куайна, называют «ложно постулированной сущностью» (fake posit). Подобное решение рассматриваемого вопроса представляется не вполне обоснованным. Дело в том, что вся проблематика постулированных сущностей связывается с осуществленным Куайном развитием идей Рассела, и, в частности, его пониманием имен как сокращенных дескрипций. Постулированные сущности — элементы онтологии, задаваемой теорией посредством квантифицированных переменных, где имена интерпретируются как предикатные знаки. В свете данного обстоятельства довольно странно обосновывать теорию прямой референции с опорой на неотъемлемые элементы расселовской дескриптивной теории¹⁵. Таким образом, похоже, что для теории прямой референции введение мнимых объектов не может стать решением проблемы отрицательных экзистенциальных предложений и пустых имен.

Более того, наше интуитивное понимание языка, похоже, говорит нам о том, что обсуждение модальных контекстов предполагает то или иное существование рассматриваемого объекта: даже если мы обсуждаем литературного героя в тех или иных возможных ситуациях, мы в этот момент подразумеваем, что есть некий объект, который может рассматриваться как обладатель тех или иных свойств. Поэтому кажется, что теория прямой референции имен изначально не применима для анализа предложений с пустыми именами и отрицательных экзистенциальных предложений (равно как, впрочем, и утвердительных).

Второй комплекс причин, объясняющих почему семантическая функция имен не может быть полностью задана в рамках теории прямой референции, выражается рядом примеров, указывающих на случаи, которые можно анализировать лишь с опорой на расселовское понимание имен.

Я считаю, что одним из наиболее показательных примеров в защиту позиции, согласно которой от расселовского понимания имен полностью отказаться невозможно, является математическое число π . Данное число является иррациональным и определяется через определенную дескрипцию: отношение длины окружности к ее диаметру. Сам же термин « π » является именем денотата, задаваемого указанной дескрипцией. Можно ли,

¹⁴ Devitt M., Sterelny K. *Language and Reality*. 2nd Ed. — Oxford, 1999.

¹⁵ Более подробно проблематичность данного аргумента исследована в: Куслий П. С. Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // Эпистемология & философия науки. № 2 (XVI). — М., 2008.

следуя аргументации Крипке, рассмотреть контрфактическую ситуацию, в которой π будет оставаться самим собой, но при этом не будет соответствовать приведенной выше дескрипции? Похоже, что нет. Разумеется, можно предположить ситуацию, в которой имя « π » будет носить какое-либо другое число, однако, очевидно, что это вовсе не будет опровержением сути выдвигаемого аргумента. Поэтому следует признать, что имя « π » является сокращением определяющей его дескрипции и полностью к ней сводится¹⁶.

Особенностью приведенного примера, пожалуй, является то обстоятельство, что вся математическая онтология сводится к задающим ее определениям. Это, однако, совсем не означает того, что в математике не могут использоваться имена. Я не вижу причин, почему « π » не может рассматриваться как имя, кроме той, что такое рассмотрение не вполне соответствует крипкеанскому пониманию имен. Но если так, то тем хуже для тех, кто считает, что имена следует рассматривать исключительно как жесткие десигнаторы.

Примеры функционирования имен как сокращенных дескрипций не исчерпываются совокупностью предложений математики. Они встречаются и в других областях языковой практики. Так, приведенному выше примеру с Шекспиром, именем «Шекспир» и Бэконом как автором шекспировских пьес можно противопоставить пример Гомера. «Гомер» — имя, и практически все, что известно о Гомере — это то, что он — автор «Илиады» и «Одиссеи». Иными словами, имя «Гомер» задается указанной дескрипцией. Если мы узнаем, например, что эти поэмы были написаны разными людьми или что они были написаны с временным интервалом, существенно превышающим жизнь одного человека, то мы, пожалуй, скорее будем склонны утверждать, что Гомера не было, поскольку не было ничего, что подпадало бы под дескрипцию «автор „Илиады“ и „Одиссеи“».

Наконец, расселовское понимание имен неотъемлемо при анализе случаев, которые Карнап называл «постулатами значений»¹⁷. Значение имени может быть просто постулировано, и тогда само имя будет сводиться к определяющей его дескрипции, а обозначаемым объектом будет индивид, выполняющий условия, налагаемые дескрипцией. В своей статье «Референция и имена собственные» Т. Бердж, предложивший интересный аргумент в пользу понимания имен исключительно как предикатов, выдвигает ряд примеров, иллюстрирующих нужные нам случаи постулирования значения имен: «Самый

¹⁶ На данное утверждение можно возразить, сказав, что « π » является жестким десигнатором для 3,141 592... а не сокращением дескрипции «отношение длины окружности к длине ее диаметра». В качестве ответа на данное возражение я бы сказал следующее: единственным способом установить, является ли, скажем, 3,141 592... π числом π , где π — это стомиллионная цифра после запятой, будет деление длины окружности на длину диаметра. Иными словами, числом π всегда будет то число, которое будет соответствовать приведенной выше дескрипции, и обозначаться оно будет как « π » именно в силу этого соответствия. (Я благодарен А. Веретенникову за формулировку приведенного возражения.)

¹⁷ См.: Карнап Р. Постулаты значений // Значение и необходимость. Исследование по семантике и модально логике. — Биробиджан, 2000.

низкорослый шпион XXI века будет белокожим. Назовем его „Бертраном“. (Этот) Бертран также будет лысым». ... «Кто-то бросил первый камень. Кем бы он ни был, назовем его „Альфредом“. (Этот) Альфред был лицемером»¹⁸.

Действительно, нам ничего не мешает в определенных ситуациях рассматривать имена как сокращенные дескрипции и, следовательно, как предикаты. Более того, как видно из приведенных примеров, мы очень часто именно так и поступаем. Поэтому понимание семантической роли имен исключительно как жестких десигнаторов представляется необоснованным.

Определение имени

Рассмотренные причины недопустимости понимания семантической функции имен исключительно в рамках расселовского или крипкеанского анализа приводят нас к довольно проблематичной ситуации: с одной стороны, отказаться от какой-либо из двух интерпретаций невозможно, а с другой — не вполне понятно, каким именно образом указанные функции имен можно рассматривать в рамках единой семантической теории. Ведь, согласно Расселу, имя не может напрямую указывать на объект, а согласно Крипке может. Противоречивость данных установок в отношении имен, равно как и востребованность каждой из них в реальной языковой практике, похоже, тоже не позволяет ни свести какой-либо из двух подходов к другому, ни рассматривать один как более фундаментальный и внутренне присущий именам, а другой как случайный и элиминируемый.

Я думаю, что в связи с этой семантической неоднозначностью имени его определение должно быть достаточно общим (или, если угодно, слабым) для того, чтобы учесть установленную двойственность в его функционировании в языке. В качестве такого единого слабого определения мне бы хотелось предложить следующее.

Имя — единственный термин, который обозначает, но не описывает объект. (Df.)

Предложив определение имени с учетом упомянутой двойственности его функционирования, следует обратиться к вопросу об экспликации причин такой неоднозначности. Данный вопрос важен хотя бы потому, что нам нужно знать, насколько вообще корректно говорить об именах как о чем-то едином в свете всех усмотренных трудностей. Не говорим ли мы о совершенно разных вещах, объединяя их под единым термином «имя»? Удовлетворительно ли в таком случае предложенное определение и, если да или нет, то почему?

Модус *de dicto* и модус *de re*

Проблематичность анализа отрицательных экзистенциальных предложений, содержащих имена, в рамках теории прямой референции, как уже

¹⁸ Burge T. Reference and Proper Names // Journal of Philosophy. 1973. № 70. P. 425–439.

упоминалось выше, происходит из того, что референт имени должен в том или ином смысле быть. Иными словами, функция имени как жесткого десигнатора осуществима только при наличии обозначаемого объекта.

Мне кажется, что различие между ситуациями референции имен, требующих наличия объекта, и ситуациями, когда вопрос о существовании соответствующего объекта остается открытым, хорошо иллюстрирует проведенное все тем же Б. Расселом противопоставление знания по знакомству и знания по описанию¹⁹. Если я знаком с определенным объектом, т. е. сталкивался с ним непосредственным образом в той или иной ситуации, то я могу говорить *о нем*, т. е. о самом этом объекте, приписывая ему в контрафактических ситуациях самые разные свойства и давая самые разные описания, которые при этом будут относиться именно к *нему*. Если же я знаю объект не в силу знакомства с ним, а лишь по имеющемуся у меня описанию, то, столкнувшись с каким-либо другим описанием, я не могу быть уверен в том, что оно может относиться именно к *этому* объекту, а не к какому-либо другому. Иными словами, если я знаю об объекте лишь как о референте определенного описания (дескрипции), то мне уже сложно представить его или говорить о нем, как о референте какого-то другого описания. В таком случае, скорее, кажется, что речь идет уже о каком-то другом объекте.

Таким образом, следует признать, что об объекте можно говорить, с одной стороны, как *о нем самом*, а с другой — как и *о референте некоторого описания* (т. е. о том, что может соответствовать данному описанию). Философский аппарат, призванный отобразить данное различие, выражается в противопоставлении так называемых «*модуса de re*» и «*модуса de dicto*». «*De re*» в переводе с латыни означает «о вещах» (от «*res*» — вещь), «*de dicto*» означает «о словах» (от «*dictum*» — слово, сентенция). В нашем анализе модус *de re* будет связываться с упоминанием самого объекта, а модус *de dicto* — с упоминанием референта, удовлетворяющего условиям того или иного обозначающего термина.

Иллюстрациями употребления имен в двух модусах являются рассмотренные выше примеры с Шекспиром и Гомером. В первом из них имя «Шекспир» употреблялось в модусе *de re* и обозначало самого индивида. Во втором примере имя «Гомер» использовалось в модусе *de dicto* и обозначало референта, соответствующего условиям, выраженным определяющей дескрипцией. Причем в модусе *de dicto* указание осуществлялось не на конкретный объект, а лишь на референт, т. е. на то, что удовлетворяет или может удовлетворять соответствующей дескрипции, чем бы оно ни было. Таким образом, модус *de dicto* допускает, что объекта, выполняющего условия, задаваемые обозначающим термином и тем самым становящегося референтом этого термина, может и не существовать. В свою очередь модус *de re* подобной гибкостью не обладает и обязательно предполагает существование обозначаемого объекта.

¹⁹ См. Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. — М., 2000. С. 187–197.

То, что в рассмотренных выше примерах, «Шекспир» было именем, употребленным в модусе *de re*, а «Гомер» — именем в модусе *de dicto*, не означает, что эти имена могут использоваться только таким образом. Всякое имя в зависимости от ситуации может использоваться как в одном, так и в другом модусе. Более того, бывают случаи, когда одно и то же имя в рамках одной ситуации употребления функционирует в разных модусах. В качестве иллюстрации я использую несколько модифицированный мной пример подобного случая, который изначально предложил К. Доннелан²⁰: человек, вернулся с вечеринки, на которой, по его мнению, он познакомился и общался с известным философом Астоном Мартином, автором книги *«Другие тела»*. Однако его обманули, и индивид, которого он принял за известного философа, таковым не являлся. Допустим, что наш наивный гражданин начинает свой рассказ о вечеринке фразой «сегодня я познакомился и общался с Астоном Мартином», далее он подробно излагает, в чем это общение заключалось и, наконец, заканчивает свой рассказ фразой «Астон Мартин ушел предпоследним». Суть данного примера заключается в том, что первая фраза является ложной, а вторая — истинной. В первой фразе «Астон Мартин» используется в модусе *de dicto*, и она ложна, так как индивид на вечеринке не был автором книги *«Другие тела»*, т. е. не выполнял условий, подразумеваемых обозначающим единичным термином «Астон Мартин». Во второй же фразе «Астон Мартин» использовалось в модусе *de re*, и поэтому данная фраза истинна, так как человек, с которым общался наш герой действительно (согласно гипотезе) покинул вечеринку предпоследним.

Думаю, что на данном этапе уже не сложно догадаться, какого рода тезис я хотел бы сформулировать. Выглядит он так: *установленные нами два способа референции имен соответствуют их употреблению в двух указанных модусах*. Если имя используется в модусе *de re*, то оно указывает на объект непосредственно (крипкеанское понимание), если же в модусе *de dicto*, то опосредованно той или иной дескрипцией (руссоловское понимание).

Таким образом, причина неоднозначности семантической функции имен лежит не в противоречивости самого понятия имени, а в различных способах употребления имен, т. е. в том, каким образом люди, использующие то или иное имя, хотели бы, чтобы оно указывало на объект²¹.

На сказанное можно было бы возразить следующим образом: в примерах с Шекспиром и Фалесом мы использовали их имена в модусе *de re*, однако насколько вообще возможно говорить в этом модусе об исторических личностях, если мы никогда не имели с ними знакомства? Более того, кажется, что данное возражение касается не только самих исторических личностей, но и людей и объектов, существующих в настоящем. Хотя я и не знаком, скажем, с генеральным секретарем Коммунистиче-

²⁰ *Donnellan K. S. Op. cit. P. 370–372.*

²¹ Я использую здесь термин «люди», а не «агенты» и т. п., чтобы подчеркнуть имеющееся у меня сомнение в том, что машина (искусственный интеллект) может оперировать терминами в модусе *de re*.

ской партии Китая и знаю о нем лишь по описанию, я тем не менее вполне могу говорить о нем в различных контрфактических ситуациях.

Я думаю, что данное затруднение можно преодолеть с помощью так называемой «каузальной теории имен». Основные идеи данной теории были изложены С. Крипке в «Именовании и необходимости». Впоследствии она была развита в работах таких мыслителей, как Г. Эванс, М. Девитт, Х. Филд, Х. Патнэм и др. Ее суть заключается в идее о том, что в ситуации, когда человек, сталкиваясь с объектом, именуется его, объект каузально воздействует на человека. Наличие данной каузальной связи между объектом и говорящим позволяет имени напрямую указывать именно на сам объект, а не на него, как на референта определенных дескрипций, которые в ситуации именовании к нему применимы. Далее имя может переходить от поименовавшего объект человека к другим людям по цепочке. При этом, согласно данной теории, в рамках этой «каузальной» цепочки каждый, кто будет использовать это имя, будет указывать именно на сам тот объект, который был изначально поименован, а не на референт дескрипций, которые были применимы к тому объекту в ситуации именовании. Ведь с течением времени свойства поименованного объекта могли измениться и исходный набор дескрипций, применимых к нему в ситуации именовании, может перестать быть к нему применимым и, более того, может уже детерминировать какой-то совершенно другой объект. Таким образом, каузальная теория референции использует понятие каузальной цепочки для того, чтобы гарантировать прямое указание имени на сам объект даже в тех ситуациях, когда говорящий не имеет о нем знания по знакомству. Для прямой референции достаточно того, чтобы знанием по знакомству обладал тот, кто стоял в начале каузальной цепочки.

Таким образом, в рамках каузальной теории имен примеры с историческими личностями объясняются так: мы, конечно, не знакомы ни с Фалесом, ни с Аристотелем, однако мы связаны каузальной цепочкой с теми людьми, которые были с ними знакомы и передали нам эти имена как непосредственно указывающие на самих этих индивидов. Сходным образом в терминах каузальных цепочек и объясняется наша способность указывать напрямую на незнакомых нам наших современников, т. е. говорить о них в модусе *de re*. В свете сказанного можно уточнить проведенную выше аналогию между модусами *de re* и *de dicto* со знанием по знакомству и знанием по описанию относительно имен: для употребления имени в модусе *de re* знание по знакомству требуется либо от самого говорящего, либо от кого-то, с кем говорящий связан каузальной цепочкой в использовании указанного имени.

Данный результат, я считаю, помогает нам лучше понять природу каузальной теории именовании. Эту теорию следует рассматривать как техническое средство, позволяющее нам говорить в модусе *de re* об исторических личностях и других объектах, о которых мы не имеем непосредственного знания по знакомству. Поэтому следует признать и то, что распространенное сегодня противопоставление дескриптивной и каузальной те-

рий референции не вполне корректно. Восходящую к работам Рассела дескриптивную теорию следует скорее противопоставлять теории прямой референции Крипке. Каузальную же теорию следует рассматривать как вспомогательный механизм в рамках теории прямой референции^{22, 23}.

Таким образом, два способа референции имен происходят из двух модусов, в которых имена как единичные термины могут функционировать. Я считаю, что установление двух модусов обозначения как причин неоднозначности семантической функции имен демонстрирует правильность сформулированного выше определения имени. Во-первых, оно должно быть достаточно слабым, чтобы учесть два присущих именам возможных способа референции; во-вторых, эта слабость определения говорит не о противоречивости определяемого термина, а о том, что сам термин (т. е. имя) может употребляться в двух модусах и в результате этого выполнять либо одну, либо другую функцию.

Заключение

Подытоживая все, что было изложено, хотелось бы еще раз воспроизвести следующие пункты: имена следует определять как единичные термины, указывающие на объект, но не описывающие его; референция имен может осуществляться одним из двух способов: прямое указание на объект и указание, опосредованное дескрипцией; каждый из этих способов является неэлиминируемым и не сводимым к другому; происходят они из двух модусов, в которых говорящий употребляет имя: *de re* или *de dicto*.

Общий вывод, который я хотел бы сделать, заключается в том, что семантическая теория имен должна учитывать модусы их функционирования. Это не делает природу или семантическую роль имени зависимыми от того, кто его использует. Говорящий согласно своим целям в соответствующей коммуникативной ситуации может выбирать тот или иной модус. Однако то, что выбор модуса определяется говорящим, не означает того, что говорящим определяется природа этого модуса. Скорее наоборот: природа семантической роли имени в каждом из модусов остается независимой от говорящего, который выбирает из двух уже существующих и лишь имеющихся в его распоряжении модусов.

²² Такое некорректное противопоставление проводилось практически всеми упомянутыми теоретиками каузальности и даже считается общепринятым. Повинен в его проведении был некогда и я сам.

²³ Гарет Эванс в своей известной статье «Каузальная теория имен» (Evans G. The Causal Theory of Names // Schwartz S. P. (ed.) Naming, Necessity and Natural Kinds. — Ithaca, NY, 1977) показал, что теория референции не может быть в чистом виде каузальной и должна содержать дескриптивный элемент. При всей важности данного результата следует признать, что он скорее относится к теме функционирования каузальных цепочек, а не к теме семантической роли имен. Поэтому для решения стоящих перед нами задач этим результатом вполне можно пренебречь.